ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ИНСТИТУТЫ ВЛАСТИ

«МОЛЧАЛИВОЕ БОЛЬШИНСТВО» ПОСТСОВЕТСКОГО ТЕРМИДОРА: «НАСИЛИЕ ПУСТОТЫ»

Лоскутов В.А.

доктор философских наук, профессор, директор Уральского института управления-филиала,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(Россия), 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66, rector@uapa.ru

УДК 930.1:321.01
ББК 87.65+66.04

Цель. Выявление основных закономерностей взаимодействия общества и власти в условиях постсоветского термидора. Выделение особых процедур и механизмов становления в системе общественного производства «молчаливого большинства» и способов его противоборства с современными элитами.

Методы. В качестве методологической основы используется концепция Ж. Бодрийяра о симулякрах и гиперреальности.

Научная новизна. Определены основные принципы и механизмы формирования «молчаливого большинства» в условиях постсоветского термидора. Раскрыты его место в системе воспроизводства и обновления постсоветской истории и роль в процессе «патафизической смерти» современных российских элит. Проанализированы ключевые закономерности «нейтрализации» «молчаливым большинством» их свобод.

Ключевые слова: симуляция, власть, элита, молчаливое большинство, свобода, конформизм, политика, гиперреальность.

“THE SILENT MAJORITY” OF THE POST-SOVIET THERMIDOR: “FORCE OF NOTHINGNESS”

Loskutov V.A.
Doctor of Science, Professor, Director of the Urals Institute of management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia),
66 8 Marta str., Ekaterinburg, Russia, 620990, rector@uapa.ru

Purpose. To identify major principles of cooperation between the society and the state in conditions of the Post-Soviet Thermidor. To outline significant procedures and mechanisms of development in the system of public production of the so-called “silent majority” and methods of its opposition to modern elites.

Methods. As a methodological basis, the author uses Jean Baudrillard’s concept on simulacra and hyper-reality.

Scientific novelty. The author determined the major principles and mechanisms of the “silent majority” development in the conditions of the Post-Soviet Thermidor. He also reveals its place in the system of reproduction and renewal of the Post-Soviet history and the role in the process of “pataphysical death” of the modern Russian elites. The author analyzed key regularities of “neutralizing” of their freedoms by the “silent majority”.

Key words: simulation, power, elite, silent majority, freedom, conformity, politics, hyper-reality.

© Лоскутов В.А., 2014

Лоскутов В.А.

В игре участвовали обе стороны, они находились в равных условиях, и никто сегодня, видимо, не может с уверенностью сказать, какая же из них одержала верх: симуляция, с которой обрушилась на массы власть, или ответная симуляция, обращённая массами в направлении распадающейся под её влиянием власти.

Жан Бодрийяр

Если бы меня попросили подвести краткие итоги еще до конца не завершившегося современного этапа развития российской истории – постсоветского термидора [5] я бы в качестве наиболее значимого и весомого продукта процесса постреволюционного развития революции определил сформировавшееся за эти годы в его глубинах так называемое «молчаливое большинство» (Ж.Бодрийяр). Оно возникает как результат массированного «обрушения на массы власти» и обратного процесса – поглощения, нейтрализации, тотальной энтропии всяких форм проявления властных отношений. Погрузившись в бездну взаимных симуляций лишенное слова молчаливое большинство, оказалось «распростёрто перед держателями слова, лишёнными истории». В настоящее время эти два анонимных, погрязших в хитросплетениях «коллективной изворотливости» «лишенца-медиума», которые настолько заигрались в своих симулятивных играх, что потеряли и смысл слова, и смысл истории моделируют и модулируют темп, характер, направленность, результативность развития постсоветского термидора. В их руках находится наше будущее – возможность и способность современной российской истории к воспроизводству и качественному обновлению.

Молчаливое большинство и распадающаяся под напором его пустоты власть являют собой нерушимое и неразрушимое единство, которое все более напоминает схватку двух анонимных медиумов под ковром. В этом странном симулятивном тождестве власти и молчаливого большинства важнейшим ресурсом развития и устойчивого воспроизводства властной реальности обеспечивающим коммуникации между ними является элита.

В любом развивающемся обществе элиты являются не только социальным феноменом, но и метафизической сущностью. Опосредованно причудливыми конфигурациями соответствующих атрибутов и хаотичным переплетением неповторимых модусов они устанавливают конкретно-историческую меру свободы господствующей власти и несвободы того, что властью не является. В современной российской истории элиты полагают как меру свободы власти, так и баланс отношения между свободой власти и несвободой общества, фиксируют способность власти и общества присваивать свободу в качестве субстанции своего развития. В результате их практического властвования в постсоветской истории нарождается нечто, которое со временем становится основной причиной и способом деэлитаризации современной российской власти: «А оно, вращаясь и безумствуя,//Багровеет, пухнет до небес;//Сам Давид не знал бы, многодумствуя,//Кто в сем вихре – ангел или бес?» (Д.Андреев).

В настоящее время угроза не эффективной смены, но метафизической («патафизической» - Ж.Бодрийяр) смерти, самоликвидации современных российских элит становится все более очевидной. Пришла она оттуда, откуда ее никто не ждал. Со стороны, тех, кого элиты породили, пестовали и по отечески напутствовали на всякие добрые дела. Кому они предоставили практически неограниченные и уникальные возможности для обозрения и наслаждения игрой отраженного света присвоенного ими общественного богатства на стенах пещеры, в которой, благодаря их усилиям, оказалась постсоветская история. Беда пришла от тех бесов, или ангелов, которых В.В.Путин называет «подавляющим (кого?) большинством», а французский философ Жан Бодрийар – «молчаливым большинством».

Молчаливое большинство – это «тень отбрасываемая властью» [1, с.78]. Оно появляется на исторической авансцене как тень, которую отбрасывает освещенная светом сложных и противоречивых процессов элитизации, власть. Но, когда власть в умелых руках громко молчащего большинства превращается в манекен, элита, будучи универсальным способом установления меры ее свободы, отходит в произведенную ей же тень и постепенно, но неуклонно растворяется в ее туманных образах и иллюзорных далях. В результате деэлитаризации властной реальности она становится очень важным атрибутом, запоминающимся фрагментом пышных, воистину царских одеяний «голого короля».

Молчаливое большинство – это своеобразное ядро постсоветской гиперреальности, которое притягивает, поглощает, нейтрализует все то, что, хотя бы косвенно имеет отношение к реальной истории. В результате оно становится знаком и символом ее отсутствия и будучи порождающей моделью постсоветской гиперреальности, ускоряет развитие инерционного потенциала советской гиперреальности, за счет чего

становится знаком присутствия ее отсутствия. В этом случае молчаливое большинство как бы симулирует ее смерть – под маской присутствия скрывает то, что в ней ничего нет. С помощью симуляции оно убивает в советской истории все ее реальные референции и смыслы, «стараясь через симуляцию смерти избежать своей реальной агонии» [4, с.53] – «искать свежие силы в своей собственной смерти, возобновлять цикл через зеркало кризиса, отрицание и антивласть – вот единственный выход-алиби любой власти, любого института, пытающегося разорвать порочный круг своей безответственности и своего фундаментального несуществования, своего псевдосмысла и своей псевдосмерти» [4, с.54]. И, наконец, последнее, молчаливое большинство – это не только ядро постсоветской гиперреальности, способ симуляции смерти советской гиперреальности, но и симуляция симуляции ее смерти. Вслед за Ж.Бодрийяром мы называем эту тотальную операциональность гиперсимуляцией, гипертелией. С ее помощью молчаливое большинство оказывается в ситуации гиперфинальности и точке невозврата, становится гиперсимулякром («симулированный симулякр») – могильщиком современной российской власти, ее многочисленных элит и самого себя.

Следует помнить то, что молчаливое большинство является массой, у которой «социальная энергия уже угасла. Это зона холода, способная поглотить и нейтрализовать любую действительную активность» [1, с.41]. И даже тогда, когда оно, будучи черной дырой и пустотой принуждает историю к существенному искривлению основных траекторий ее развития, даже тогда молчаливые массы «знают, что ни против чего, строго говоря, не восстают, что упраздняют систему, всего лишь подталкивая её к функционированию по законам гиперлогики, в режиме предельной нагрузки, который ей противопоказан» [1, с.74]. Они убивают ее посредством «поглощения и имплозии, а не негативности и взрыва» [1, с.36]. При этом очень важно отметить, что молчаливое большинство всячески, под любым предлогом «избегает схем освобождения, революции и историчности – так она защищается, принимает меры против своего Я» [1, с.36]. Надежным ресурсом ее самозащиты от установления власти массы над самой собой является симуляция и ее способность функционировать по принципу мнимого референта. В этих целях и с помощью данного ресурса «она губит и политическую волю, и политическую репрезентацию» [1, с.36].

Прежде чем мы рассмотрим три выделенных способа симулятивной модуляции молчаливого большинства более обстоятельно, а также, проанализируем те трансформации, которые происходят с их двойником – постсоветскими элитами, зафиксируем две основные стратегии, которые оно использует для того, чтобы противостоять власти.

В процессе взаимодействия молчаливого большинства с властью у него формируются две относительно независимые, стабильные стратегии поведения. Они очень напоминают взаимоотношения взрослого с ребенком. На противоречивые требования со стороны взрослого ребенок отвечает двойной стратегией. «Требованию быть объектом он противопоставляет все возможные варианты неповиновения, бунта, эмансипации, словом, самые настоящие претензии субъекта. Требованию быть субъектом он так же упорно и эффективно противопоставляет сопротивление, присущее объекту, то есть совсем противоположное: инфантилизм, гиперконформизм, полную зависимость, пассивность, идиотизм. Ни одна из двух стратегий не имеет большей объективной ценности, чем другая. Сопротивление субъекта сегодня однобоко ценится выше и рассматривается как положительное - так же, как в политической сфере лишь поведение, направленное на освобождение, эмансипацию, самовыражение, становление в качестве политического субъекта, считается достойным и субверсивным. Это означает игнорирование влияния, такого же и, безусловно, гораздо более значительного, поведения объекта, отказ от позиции субъекта и осознания - именно таково поведение масс, - которые мы предаем забвению под пренебрежительным термином отчуждения и пассивности» [4, с.212]. На требование власти быть объектом молчаливое большинство отвечает гиперконформизмом, тотальным распространением патерналистских настроений, предельной пассивностью, а в отдельных случаях, откровенной симуляцией массового идиотизма. Современная российская власть определила для молчаливого большинства очень узкий коридор возможностей реализации его субъектности. Оно не в состоянии обеспечить полный контроль над его активностью, поэтому были созданы достаточно эффективные механизмы ее блокировки. С их помощью все возможные претензии, способы самовыражения, эмансипации молчаливого большинства как субъекта были трансформированы в его практически универсальную способность аннигилировать любые проявления активности и траектории развития его самодеятельности. Молчаливому большинству был оставлен лишь один, с помощью симуляции сплющенный и свернутый вектор самовыражения – «насилие пустоты» [1, с.94]. Вот уж здесь оно проявило себя и собственную субъектность достаточно агрессивно и в полной мере. Власть, постоянно маневрируя, создавая все новые и новые ресурсы

для управления субъектно-объектной природой этой черной дыры, достаточно эффективно исключительно в своих целях использует две стратегии поведения молчаливого большинства. С помощью своих информационных ресурсов она разрушает границы возможной коммуникации между людьми. Создает из различных «тел индивидов» (М.Фуко) своеобразные терминалы по приему властных сообщений и сигналов, взаимодействие которых лишь инсценирует коммуникации. Находятся ли СМИ в «антитеатре коммуникаций» (Ж.Бодрийяр) «на стороне власти, манипулируя массами, или они на стороне масс и занимаются ликвидацией смысла, творя не без доли наслаждения насилие над ним?» [4, с.210] Этот вопрос носит во многом риторический характер, ибо они находятся внутри странного симулятивного тождества власти и молчаливого большинства – внутри процесса энтропии и деструктуризации исторической реальности, что позволяет им обессмысливать как деятельность власти, так и бездействие масс.

Молчаливое большинство - это экстаз отрицания и ритуального уничтожения свободы власти. Оно представляет собой «мириады стимулов, мини-тестов, бесконечно ветвящихся вопросов/ответов, которые тяготеют к нескольким моделям в светлом поле кода» [3, с.327]. Появившись на свет как тень – образ нереальности «галлюцинарного самоподобия реальности» [3, с.331] свободы власти, оно не просто порождает несвободу общества, но делает это путем постепенного, но неуклонного истощения ее свободы, посредством деэлитизации властной реальности.

Молчаливое большинство – это тень власти, которая вышла из тени и превратила власть в свою тень. Будучи определенной социальной «массой», оно, тем не менее, «не имеет социологической «реальности». У неё нет ничего общего с каким-либо реальным населением, какой-либо корпорацией, какой-либо особой социальной совокупностью» [1, с.9]. Оно молчит как метафизическая сущность, которая онтологически оживает и становится видимой только в тени власти, только тогда, когда начинает молча и сосредоточенно двигаться в ее зазеркалье. Хаотическое скопление различных властных и невластных артефактов советской истории и новоделов истории постсоветской «вращается вокруг этого пористого объекта» [1, с.3]. Он не излучает, а только «поглощает все излучение периферических созвездий Государства, Истории, Культуры, смысла» [1]. Молчаливое большинство – «суть инерция, могущество инерции, власть нейтрального» [1, с.4]. Оно поглощает и нейтрализует историю посредством молчания – безжалостного отклонения и искривления всех потоков исторической энергии, которые с ним сближаются. В результате молчаливой нейтрализации исторической реальности она превращается в гиперреальность – в ту черную дыру, куда, в конечном итоге, и проваливается вся прошлая (советская), настоящая (постсоветская) и будущая (?) история.

Молчаливое большинство является продуктом зондирования, тестирования, рефлектирования, а по сути, следствием особого способа ускорения развития инерционного потенциала постсоветской истории. Эти социально окрашенные онтологические процедуры, скоординированные и усиленные средствами массовой информации, конституируют и форсируют ее инерционное развитие, в том числе и в такой исторической форме, как постсоветский термидор [5]. В результате их массированного воздействия на массу, ее историческая репрезентация и смысл превращаются в молчаливое ничто. С их помощью, будучи гигантской черной дырой и производящей моделью исторического безмолвия, молчаливое большинство симулирует смерть гиперреальности советской истории. Очень часто мы узнаем о том, что рядом с нами молчит большинство лишь тогда, когда нас, буквально, атакует, затягивает в черную дыру пустоты и покоя, принуждая к «оледенению смысла» так называемое общественное мнение, существующее как «не ирреальная, но гиперреальная политическая субстанция, фантастическая гиперреальность, которая жива только благодаря монтажу и манипуляциям в ходе тестирования» [3, с.301].

В ряду различных симулятивных процедур демонстрирующих относительную свободу действий современной российской власти, ее способность эффективно манипулировать молчаливым большинством, превращать его в гиперреальность особое место занимают тайные и явные опросы. Их результаты практически всегда были и остаются той реальной основой, на которой, как на дрожжах «багровея, пухли до небес» (Д.Андреев) целевые установки и ценностные ориентиры постсоветской государственной, политической, экономической элиты страны. Зондаж, тестирование, опрос, референдум – процедуры, сами по себе, достаточно демократичные. Но в умелых руках освобожденной от свободы власти «на всем пространстве социальных практик они устраивают операциональную симуляцию» [3, с.312]. В результате чего у властвующих элит и молчаливого большинства «кровь заменяется бледной лимфой масс-медиа» [3, с.312]. Опросы, тесты, и тому подобные операциональные симуляции обескровливают, меняют состав крови, как в кровеносной системе власти, так и молчаливого большинства. Заменяя соответствующую субстанцию их органического тождества бледной лимфой, они не просто превращают власть и общество в операциональные определения гиперреальности, но симулируют их реальную историческую связь –

инициируют процесс лейкемизации свободы.

Сегодня молчаливое большинство постсоветского термидора, будучи порождающей моделью соответствующей гиперреальности, создает особую непроницаемую и прозрачную форму ее симулятивного существования. В двухтысячных годах постсоветская история, отягощенная мучительными переживаниями о судьбах, так и не состоявшихся либеральных реформ, смутными волнениями по поводу наступающей автократии и полицизации общественной жизни с определенными издержками, но все-таки достаточно убедительно проходит стадию «бюрократического насилия» [2, с.325] и переходит на следующий этап своего симулятивного отмирания – стадию «имперского вируса» (Ж.Бодрийяр). Это, по-своему не простое кругообращение постсоветского термидора разворачивается в границах достаточно самобытной и увлекательной онтологии.

Мы можем попытаться вернуться в «настоящее» исторической реальности с помощью привычных и уже не раз апробированных средств ее «бюрократического замораживания» (Ж.Бодрийяр). А можем, в глубокой тайне от всех и от самих себя, в первую очередь, используя невидимые складки советской гиперреальности, например, проспекты и павильоны ВДНХ, проникнуть в ее святая святых – генетическую матрицу и заразить ее постоянно мутирующим «имперским вирусом» [2, с.325]. Обеспечив, тем самым «стазис страсти к истории, ее совершенное разбавление потреблением» [2, с.322]. При этом, очень важно определить, кому можно, а кому нельзя от имени псевдоистории доверить исполнить столь почетную и ответственную роль – совершить разбавление постсоветской истории ее потреблением с помощью имперского вируса. И вот оказывается, что лучше всех с этой эпохальной задачей может справиться молчаливое большинство. Но, только при одном непреложном условии. Если ему в трудах его праведных искренне и полноценно поможет современная российская элита. Только вместе они могут провести ее «диссеминацию на микроуровне» и обеспечить не очередную симуляцию, но действительный стазис советской истории. Вовлечение элит в процесс распространения «имперского вируса» возможно и необходимо, так как именно они оказываются особенно чувствительны к воздействиям безжалостной испепеляющей энергии абсорбции, которую в процессе ускорения развития инерционного потенциала постсоветской истории излучает молчаливое большинство. Попав под его жесткое излучение, элиты не становятся равноправными партнерами молчаливого большинства. Они используются им всего лишь в качестве средства переноса вируса и способа его тотального распространения в глубинах черной дыры постсоветской гиперреальности. В этом процессе черная дыра отклоняет, изгибает, искривляет основные траектории и процедуры элитообразования и, что самое важное, истощает тот потенциал свободы власти, который делает элиту мерой развития властвования. Священный союз молчаливого большинства и элиты всегда был надежной основой строительства на обломках советской истории новой гиперреальности. Но в результате лейкемизации свободы, взаимного ослабления их иммунной системы, они превратились не просто в переносчиков «имперского вируса», но трансформировались в два противоположных, противостоящих друг другу, и, в тоже время, неразрывно между собой связанных механизма его активного расползания по пустотам гиперреальной истории.

Молчаливое большинство живет своей удивительно молчаливой, насыщенной отсутствием присутствия истории гиперреальной жизнью. В бесконечном вакууме квазиисторического «перемещаются промежуточные объекты и кристаллические скопления, которые кружатся и сталкиваются друг с другом в рассудочном поле ясного и тёмного» [1, с.]. Кружась и сталкиваясь, они в ясных, или темных формах настойчиво, а иногда навязчиво симулируют советскую историю: «мы живем в мире симуляции, в мире, где высшей задачей знака является заставить реальность исчезнуть и замаскировать одновременно это исчезновение» [2, с.295].

У «власти сложилось убеждение, что чем пассивнее массы, тем эффективнее можно ими управлять» [1, с.37]. Это, как показывает печальный опыт советской истории, величайшее заблуждение. Администрировать несвободу и пассивность масс может быть и проще, но только в условиях симулятивной гиперреальности. Если же мы желаем вернуться в историю и относительно комфортно там жить, следует научиться управлять свободой и самодеятельностью масс. Пока мы размышляем о том, как можно было бы решить эту непростую задачу молчаливое большинство, сосредоточенно и молча, уже сегодня и сейчас делает это за нас. В процессе его превращения в производящую модель гиперреальности молчание становится основной симулятивной процедурой ускорения разложения постсоветской исторической реальности. Молчаливое большинство не только молча поглощает, извращает исторические смыслы и ценности, уничтожает репрезентации и рвет тонкие исторические связи, но и вступает в диалог, активно и заинтересованно общается с той гиперреальностью, которая в результате зондирования и тестирования пустоты образуется вокруг соответствующей черной дыры. Ее молчание – «это не молчание, которое не говорит, это молчание, которое накладывает запрет

на то, чтобы о нём говорили от его имени» [1, с.35]. Проявляется же данный, достаточно странный категорический запрет двояко. С одной стороны, как процесс уничтожения политической реальности, превращения политики, которая постоянно претендует на то, чтобы что-нибудь сказать от имени народа, населения, людей, «подавляющего большинства» в совокупность симулятивных, имитационных и манипулятивных процедур. С другой стороны, в виде своеобразной защитной формы, с помощью которой молчаливое большинство оберегает от чрезмерного давления излишне разговорчивой гиперреальности свой неприкосновенный инерционный потенциал – саму способность молчать. А универсальной формой молчания молчаливого большинства является его конформизм.

Молчаливое большинство является маской скрывающей отсутствие присутствия в созданной им гиперреальности политики. Будучи порождающей моделью, которая всегда «упреждает, разубеждает, предусмотрительно преображает – и тем самым всегда поглощает реальность» [1, с.129] оно симулирует ее смерть. Молчаливое большинство инициирует и симулирует не взрывное (революционное), но имплозивное самоубийство политики. В результате «сфера политики (и вообще сфера власти) становится пустой. В известном смысле это плата за исполнение желания политического класса — безраздельно манипулировать общественным представительством» [3, с.310]. С помощью центростремительных сил имплозии молчаливое большинство замыкается на себе, погружается в предельные основания своего безмолвия: «мы являемся свидетелями угасания системы взрыва с ее отчаянным стремлением овладеть энергией, дошедшего до самого предела» [1, с.99]. Но дело в том, что в процессе имплозии рождается «энергия не социальной аккумуляции и трансформации, а социальной дисперсии, рассеивания социального, энергия поглощения и уничтожения политики» [1, с.86]. При этом, она «не направляется никакими идеями. Она основана на инерции, а не на бодрой и радостной негативности. Она молчалива … . У нее нет смысла. Ей нечего сказать» [1, с.80]. Исключительно по этой причине – из-за недосказанности симуляции смерти политики она становится процессом ускоряющим инерцию (имплозивным) и пробуждающим ностальгию. Молчаливое большинство на этом не останавливается. Оно инициирует, возбуждает в ускоряющейся инерции постсоветской истории не только центростремительные, но и центробежные силы. В результате процесс ее деполитизации, который оказывается «пронизан нарастающим насилием – насилием рассеянным и концентрированным, насилием вовлечения и гипноза, насилием пустоты» [1, с.94] завершается экспансией молчаливого большинства во все сферы его гиперреального существования – формированием системы тотального контроля (самоконтроля) и насилия над собой.

Догадаться о столь тонкой, быстрой и незаметной работе молчаливого большинства «можно лишь тогда, когда реальное начинает заявлять о себе как о чем-то более истинном, чем истина, как о чем-то слишком реальном, чтобы быть истинным» [1, с.129]. Когда оно пытается перехитрить само себя и с помощью постсоветской гиперсимуляции обернуть смерть советской гиперреальности на саму себя: «эту великолепную уловку системы, заключающуюся в симулякре ее смерти, благодаря которому она поддерживает в нас жизнь, ликвидировав путем абсорбции любую возможность возражения, может остановить лишь еще большая хитрость. Вызов или мнимая наука, только патафизика симулякров может вывести нас из стратегии симуляции системы и тупика смерти, в который она нас загоняет» [4, с.364]. Там где система уничтожает политику и саму возможность возражения ей возникает тупик смерти. Для того, чтобы обмануть симуляцию смерти нужна еще большая хитрость. И она у нас есть. На помощь озверевшей от постоянной симуляции отсутствия симуляции системе – изматывающего симулятивного головокружения приходит очередная мнимая наука с ее прозрачными истинами и исконными ценностями – возвращается государственная идеология. Элита с раболепством и нескрываемой радостью приобщается к ее понятным и очевидным идеологическим модуляциям. Тем самым, она компенсирует, замещает (хитрит!) симуляцию (отсутствие присутствия) политики симуляцией (отсутствием присутствия) идеологии. Строя очередной патафизический дом для молчаливого большинства Святой Руси и Имперской России, современная российская элита сознательно, или бессознательно, но с развернутыми знаменами и под звуки бравурных маршей стройными рядами шагает по направлению того самого тупика смерти, которого она, уже привыкшая жить, хотя и иллюзорно, в условиях иной, «ненашей» реальности, так хотела бы избежать. Своим идеологическим демаршем она как умеет, так и отвечает на вызов молчаливого большинства – симулирует в политической пустоте все возрастающий спрос на базовые ценности и потаенные смыслы. Назвать это патафизически-идеологическое возрождение уж настолько большой хитростью, что она будто бы позволит, если не нивелировать, то, хотя бы, ослабить притягательную силу уловки системы – симуляцию ее смерти, вряд ли можно. В конечном итоге, все эти идеологические кручения-верчения на каблуке собственного сапога могут привести только к одному – на всякую хитрую

уловку симулякра гиперреальность придумает еще более хитрую хитрость.

Крестовый поход современных российских патафизиков за базовыми ценностями, идеологическое обоснование необходимости возвращения к тем историческим смыслам, которые, по их мнению, всегда были надежной основой выживания России, не просто замещают отсутствие политики, но в симулятивной форме представляют неуемное желание элит снабдить, вооружить массы надежными жизненными ориентирами, направить их на путь истинный. Абсолютно зряшное дело. Ибо в той гиперреальности, из которой с помощью различного рода хитрых уловок была изъята политика, даже с помощью самых современных медийных технологий и государственных идеологических аппаратов возродить, пробудить традиционные ценности и смыслы не возможно. Молчаливое большинство, а не элиты решает, что ему необходимо, какую историю оно желает потреблять для того, чтобы чувствовать себя комфортно и уютно в условиях политического вакуума: «массам преподносят смысл, а они жаждут зрелища» [1, с.15]. Патафизическая симуляция смыслов, базирующаяся на канонах советской пропаганды, но осуществляемая в форме современных идеологических флешмобов и ток-шоу, так и остается для молчаливого большинства иллюзорным, лишенным какого-либо реального содержания, зрелищем, ибо те идеологически отшлифованные «остатки истории» (ценности), с которыми работают наемные идеологи элит, оторваны, с корнем вырваны из реальной политической жизни и пребывают в качестве исторических артефактов в симулятивном мире сериальных зрелищ.

Еще одной, наряду с «рассеиванием» политики, формой симуляции смерти гиперреальности постсоветской истории является конформизм молчаливого большинства. Он не просто симулирует политическую лояльность и преданность, что особенно импонирует различного рода недалеким государственным и идеологическим начальникам, но в очень приятных, комфортных для власти условиях псевдо политического наркоза разрушает ее свободу – освобождает ее от свободы. Свобода – это всегда сверхусилия и ответственность субъекта. Не всякая власть, особенно та, которая живет и развивается за счет своего инерционного потенциала, способна на то, чтобы быть свободной. И когда, чисто по-дружески, молчаливое большинство, молча, занимает по отношению к власти соглашательскую позицию, ее усилия и ответственность существенно снижаются. Но, и это еще не все. Дело в том, что подменяя политику различного рода манипулятивными и имитационными процедурами, молчаливое большинство с их помощью присваивает теперь уже как бы ничейную свободу. Его конформизм, буквально, разбухает и багровеет от поглощения отторгнутой свободы, увеличивая и без того громадный потенциал несвободы – черная дыра становится еще более дырой и еще более черной. Пройдя сквозь горнило конформизма, потеряв на этом пути политические ориентиры своего функционирования, подменив их «азбучными истинами» неосоветской идеологии, в меру свободная власть становится основной процедурой молчаливого увеличения степеней собственной несвободы и несвободы молчаливого большинства.

Конформизм – это определенное качество трансформации и самоопределения священного союза молчаливого большинства и элиты. Инерционный потенциал советской истории настолько велик, что, с одной стороны, опора на него позволила, в свое время советской номенклатуре относительно безболезненно, без каких-либо серьезных революционных потрясений встроиться в новую для нее гиперреальность и трансформироваться в постсоветскую государственную, политическую, экономическую элиту. С другой стороны, его ускоренное развитие в условиях постсоветского термидора открыло, буквально, распахнуло для новообращенной элиты окно, как в прошлое, так и в будущее этой странной советско-постсоветской истории. И вот, сегодня, обессилив от крепкой и надежной дружбы с молчаливым большинством, потеряв в непрестанной борьбе с мировой пятой колонной однополярного мира остатки своей свободы, элита с высоко поднятыми идеологическим знаменами и благодарственными песнопениями вновь симулирует свою смерть. То, что в свое время ее породило – ускорение инерционного развития, симуляция государственного управления, экономического роста, политической свободы, а, также откровенный и последовательный «деструктивный гиперконформизм» [1, с.76] молчаливого большинства ее сегодня и убивает.

В той игре, которую затеяла советская история после революционных потрясений девяностых годов, пытаясь за счет оборачивания на саму себя в форме термидора, обеспечить существенное ускорение всех процедур своего инерционного развития, участвовали обе стороны: власть и общество (массы). «Они находились в равных условиях, и никто сегодня, видимо, не может с уверенностью сказать, какая же из них одержала верх: симуляция, с которой обрушилась на массы власть, или ответная симуляция, обращённая массами в направлении распадающейся под её влиянием власти» [1, с.47]. Можно с определенной уверенностью констатировать лишь одно: в этой борьбе с хаосом за чистоту и стабильность постсоветской гиперреальности верх одержала, собственно, сама симуляция. Она

освободила свободу власти от обретенной в процессе революционного переустройства тоталитарных основ советской истории свободы и, значительно расширив и углубив инерционный потенциал молчаливого большинства, укрепила несвободу общества. Мы знаем, что в результате симулятивного сговора советской власти и ее молчаливого двойника (новой исторической общности - советского народа), взаимопересечения и наложения различных процедур симуляции исторической реальности была ликвидирована тоталитарно-социалистическая республика истинного народовластия. Казалось бы, на ошибках прошлого надо учиться. Но, увы. Пытаясь в форме постсоветского термидора вновь поиграть в эту для кого-то занятную игру, мы рискуем в очередной раз, и, надеюсь, теперь уже в последний, наступить на одни и те же грабли. Результат можно спрогнозировать и он будет тот же – полное разложение власти и существенная деформация общества. И не важно, кто в этой игре, чей тенью является. Главное заключается в том, что посредством гиперсимуляции советская власть и советское общество симулируя свою смерть, оказываются на свету истории, где естественно и закономерно исчезают как тени прошлого. И если кто-то думает, что петух прокукарекает и солнце взойдет, то с этой симулятивной максимой он и растворится в столь желаемом прошлом.

Попытка молчаливого большинства и примкнувшей к нему освобожденной от свободы элиты с помощью различного рода хитрых уловок (деполитизации и тотального конформизма) симулировать смерть постсоветской гиперреальности привела лишь к тому, что гиперреальность обратилась в гиперсимулякр, который начал активно симулировать процесс «оборачивания собственной смерти» (Ж.Бодрийяр). Встав на этот путь, они как бы бросили смертельный вызов самим себе. Попытались объективировать предельные основания собственного бытия и с помощью этой процедуры вновь, в очередной раз симулировать, но теперь уже не свою собственную смерть, а самоубийство созданной при их активном участии гиперреальности – обеспечить, наконец-то, ее возвращение в настоящее, прошлое и будущее исторической реальности. И вновь на авансцене истории рядом с деятельным, но молчаливым большинством оказывается элита. Именно к ней, как своему иному обращен его немой крик, своеобразный призыв и вызов. Услышав его сердцем, элиты бросились спасать, симулировать «оборачивание смерти» симуляции созданной ими же постсоветской гиперреальности. В результате возник «восхитительный союз тех, кому нечего сказать, и масс, которые не говорят» [1, с.10].

Современная российская власть «уже давно вырабатывает лишь знаки своего подобия. И неожиданно разворачивается другой образ власти: образ коллективного требования символов власти - священный союз, создающийся вокруг ее исчезновения» [4, с.65]. Элита и молчаливое большинство как кровно связанные между собой символы и подобия власти предъявляют ей, а фактически себе некие требования. Они бросают ей достаточно жесткий и откровенный вызов – призывают ее совершить акт самоубийства. Они даже готовы объединиться в священный союз вокруг процедуры ее исчезновения – симуляции оборачивания смерти постсоветской гиперреальности. Но, увы, объединиться им уже не суждено, так как этот процесс является для них гиперфиналом.

Вызов молчаливого большинства, который «не имеет ни смысла, ни имени, ни идентичности» [1, с.108] оказывается всего лишь призывом обернуться на самого себя. Хотя, на самом деле, он брошен тому, кто из последних сил держится как за спасительную соломинку за симуляцию смерти советской гиперреальности и строит идеологические рожи из-за спины молчаливого большинства. Он обращен к элите. Фактически этот вызов представляет собой такое «обращение силы назад», которое «способно положить конец власти, смыслу и ценности» [1, с.108] и с помощью которого оказывается возможно симулировать коллективное самоубийство, как молчаливого большинства, так и дружественной ему элиты. Но, такого рода «вызов находится вне диалектики и вне взаимного противостояния полюсов в рамках какой-либо целостной структуры. Он есть процесс уничтожения всех противостоящих элементов, всех противодействующих субъектов, и в первую очередь тех, кто бросает вызов» [1, с.108]. Бросив его в массы элит, молчаливое, большинство обрекает на самоубийство не только их, тех, которые из последних сил пытаются с помощью различного рода идеологических симулякров затормозить этот процесс, повернуть его вспять, но и само себя: «герой вызова неизменно занимает позицию самоубийцы» [1, с.108].

Вызов молчаливого большинства прозвучал набатом на бескрайних просторах постсоветского пространства СССР. Он породил устойчивый спрос на контрреволюцию. Современная российская власть, как передовой, наиболее организованный и подготовленный отряд постсоветской истории – основная производящая модель ее симулятивного развития, с пониманием и энтузиазмом откликнулась на этот призыв. Она превратила процесс симуляции постреволюционного развития России в форму сокрытия, сначала, присутствия революции, объявив его «хаосом» девяностых, а, затем, и ее отсутствия – противостояния и борьбы с различного рода постсоветскими, арабскими и иными цветными,

бархатными революциями. Она столько лет боролась с революцией, что сейчас уже вполне готова к тому, чтобы умереть от ее отсутствия. Во всяком случае, сегодня она делает все для того, чтобы симулировать свою революционную смерть.

Все годы гиперсимуляции постсоветской истории современная российская власть идеологически и на практике выказывала такое рвение, такую степень чрезмерности реакций на вызов молчаливого большинства, что произошло естественное истощение ее симулятивного потенциала. Ей сегодня очень трудно и не только принять/бросить вызов, но даже симулировать свою смерть – присутствие отсутствия революции. Постепенно молчаливое большинство теряет терпение, но ничем помочь родной власти уже не может. Симулятивное присутствие отсутствия развития инерционного потенциала советской гиперреальности завело и его в тот же самый тупик смерти. Попытки всколыхнуть, пробудить и организовать хоть какую-либо самодеятельность задыхающегося от пустоты созданного постсоветской гиперреальностью, молчаливого большинства наталкиваются на глубоко эшелонированную систему защиты его несвободы. Жить столько лет под страхом свободы и умереть от ее отсутствия – это какая-то особая форма симулятивного мазохизма. Стоило столько лет бояться революции, чтобы в симулятивных судорогах умереть от ее отсутствия?

Когда молчаливое большинство становится не просто порождающей присутствие отсутствия политического моделью, а гиперсимулякром, который оборачивается на свою смерть (властную пустоту) «смысл имеет только соотнесенность с моделью, и все теперь не происходит согласно собственной целенаправленности, а выводится из модели, из «референтного означающего», образующего как бы опережающую целевую установку и единственный фактор правдоподобия» [3, с.271]. Поглощая свободу власти и отсутствие политики, молчаливое большинство превращает свою целевую установку и свой образ правдоподобия властвования в вызов, который оно адресует освобожденной от свободы власти. И этот вызов заставляет власть симулировать свою смерть – идти на революционные баррикады и в муках антикоррупционных судорог умереть там. Погибающая от несвободы власть посылает на передний край симуляции свои проверенные отряды элит – последний оплот ее свободы. Молчаливое большинство, молча, поглощает их судорожные попытки имитировать свободу и историческое правдоподобие. Оно поглощает их и возвращает в гиперреальность всего лишь гиперсимулякр – эхо молчания отсутствующей свободы власти.

В процессе превращения молчаливого большинства в гиперсимулякр и его оборачивания на свою собственную смерть эта «чудовищная финальность привела к короткому замыканию» [4, с.379] власти и она начала терять остатки былой свободы. Первым сигналом того, что процесс гиперфинальности современной советской истории запущен и «мерзкая тайна раковой опухоли» [4, с.378] несвободной власти близка к разгадке является деинституционализация государственной и политической элиты страны. Метастазы молчаливого большинства в первую очередь поражают ядро «властной плазмы» (Ю.С.Пивоваров). Своей разрушительной активностью они провоцируют короткое замыкание в системе ускорения «тотального процесса инерции» современной российской власти – освобождения власти от свободы, которое, в первую очередь, проявляется как разрушение институциональных границ элитообразования и формирования в свободных от свободы пограничных районах властной реальности особых зон разложения и фетишизации элит. В условиях освобождения власти от свободы молчаливое большинство задает совершенно определенные границы и параметры саморазрушения элиты. Они фиксируют акт ее превращения под натиском молчаливого большинства в своеобразное эхо элитарного развития власти. Элита формально еще существует, но ее статус и смысл гиперреального бытия уже серьезно деформирован. Под натиском несвободы власти и бравурные песнопения молчаливого большинства она как шагреневая кожа скукоживается до минимальных размеров и, самое главное, в условиях симуляции отсутствия свободы власти элита становится абсолютно недееспособной – она просто оказывается по ту сторону властной реальности. Так начинается процесс самоубийства современной российской власти. Последние события в России достаточно определенно и ярко свидетельствуют о том, что данный процесс уже запущен. Вместо элиты страной управляет властное эхо молчаливого большинства. Некое кремлевское новообразование – адепты сакральной, надинституциональной «политической воли».

Элита обернулась в знак подобия власти. Она стала властью без свободы. Превратилась в особое пространство постоянных и настойчивых требований символов власти от молчаливого большинства. Ему не нужна ни власть, ни ее свобода. Ему нужны только символы власти. И их обязана сохранять и приумножать элита. Она продуцирует их как вогнутое зеркало, отражающее симулятивные излучения молчаливого большинства. Здесь нет настоящего источника света, нет исторической дистанции и

надежды. Это всего лишь спектакль, агония и апогей. Это место «где лишь ветер вздымает песок, где лишь ветру есть дело до песка» [4, с.363]. И в песчаную бурю судьбой элиты интересуется исключительно молчаливое большинство, ибо без нее, и оно не сможет жить в освобожденной от свободы постсоветской гиперреальности.

Отсутствие свободы власти, так же как и присутствие несвободы общества – это два полюса процесса не революционного, но катастрофического развития постсоветского варианта советской истории. Караул устал! Молчаливое большинство, громогласно и, вместе с тем, задумчиво помолчав на траурной процедуре отпевания постсоветских элит, возложив венки на их политические могилы, на наших глазах начинает рассыпаться, превращаясь в тот самый песчаный вихрь, который не понятно кто раскручивает – то ли ангел, то ли бес?

И как же в этой песчаной буре найти единственно правильный путь к спасению? Как остановить симулятивное кружение молчаливого большинства и власти на сцене «антитеатра» постсоветского термидора и вернуть их из зазеркалья гиперреальности в мир реальной истории? Для того, чтобы это сделать и получить гарантированный результат, как нам это представляется, следует создать (воссоздать) систему общественного производства спроса на смысл.

Литература:

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства [электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt (дата обращения 02.06.2014)
2. Бодрийяр Ж. Сборник статей [электронный ресурс]. URL: http://bookre.org/reader?file=16438 (дата обращения 20.08.2014)
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [электронный ресурс]. URL: http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653 (дата обращения 20.05.2014)
4. Бодрийяр Ж**.** Симулякры и симуляция [электронный ресурс]. URL: http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf (дата обращения 20.05.2014)
5. Лоскутов В.А. Управление несвободой (дисциплинарная модель развития современного российского общества) // Вопросы управления. 2014. №2. С.8-31.

References:

1. Jean Baudrillard. In the shadow of the silent majority [e-resource]. URL: http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt (date of reference 02.06.2014)
2. Jean Baudrillard. Collection of articles [e-resource]. URL: http://bookre.org/reader?file=16438 (date of reference 20.08.2014)
3. 3. Jean Baudrillard. Symbolic exchange and death [e-resource]. URL: http://bookre.org/reader?file=16438 (date of reference 20.08.2014)
4. Jean Baudrillard. Simulacra and simulation [e-resource]. URL: http://www.simulacrum.h16.ru/files/text/simulacres.pdf (date of reference 20.05.2014)
5. Loskutov V.A. Management of non-freedom (disciplinary model of the modern Russian society development) // Voprosy upravleniya. 2014. №2. P.8-31.